Т. 3. С. 131, 167 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 149 ; *Аппиан.* Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. С. 428–429, 500.

[6] См.: *Аппиан.* Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. С. 315–316, 348–349 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / подгот. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 2. С. 146–147 ; 1963. Т. 2. С. 166–167, 169–170 ; *Аппиан.* Римская история. С. 374.

[7] См.: *Аппиан.* Римская история С. 500 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 499–501 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / подгот. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 2. С. 456.

[8] См.: *Трухина Н. Н.* Политика и политики «Золотого века» римской республики. М., 1986. С. 161.

[9] См.: *Дион Кассий.* Римская история. Книга LII / пер. с др.-греч. К. В. Маркова и А. В. Махлаюка // ВДИ. 2008. № 2. С. 227.

[10] См.: Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 395 ; 1955. Vol. 6. P. 121–123 ; 1955. Vol. 5. P. 61–63, 123–127.

[11] См.: *Roselaar S.* Public Land in the Roman Republic: A Social and Economic History of *ager publicus* in Italy. Oxford, 2010. P. 99–100.

[12] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 314–316 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 2. С. 119 ; *Аппиан.* Римская история. С. 317–319 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 115–116 ; *Аппиан.* Римская история. С. 358–359 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1916. Vol. 4. P. 243–245 ; 1955. Vol. 5. P. 61–63 ; 1955. Vol. 5. P. 123–129 ; 1955. Vol. 6. P. 121–123.

[13] См.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 70–72 ; *Аппиан.* Римская история. С. 321–322.

[14] См.: Греческо-русский словарь / сост. А. Д. Вейсман. 5-е изд. СПб., 1899. С. 514.

[15] См.: A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones and R. McKenzie. 9th ed., with new suppl. Oxford, 1996. P. 670.

[16] См.: Dio's Roman History. 1955. Vol. 4. P. 129–131 ; *Аппиан.* Римская история. С. 340–341, 361, 330–331 ; Dio's Roman History. 1914. Vol. 3. P. 61.

[17] См.: *Broughton T. R. S.* Magistrates of the Roman Republic. New York, 1952. Vol. 2. P. 594–595.

[18] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 333.

[19] См.: *Broughton T. R. S.* Op. cit. New York, 1952. Vol. 2. P. 613.

[20] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 317–318, 355, 364, 366, 356–357, 522.

[21] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 379, 384–385, 343, 350–351, 383, 387, 428–429 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 361–362 ; 1964. Т. 3. С. 29–30, 33–34, 39, 61 ; 1963. Т. 2. С. 470 ; Dio's Roman History. 1914. Vol. 3. P. 355.

[22] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 327, 452–453, 521, 380–381 ; *Саллюстий.* Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981. С. 35 ; *Аппиан.* Римская история. С. 369–370 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 470.

[23] См.: *Кузищин В. И.* О латифундиях во II в. до н. э. О толковании 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана // ВДИ. 1960. № 1. С. 46–61 ; *Аппиан.* Римская история. С. 685.

Поступила в редакцию 30.09.2014.

***Владимир Юрьевич Монзуль*** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ О. И. Ханкевич.

*УДК 94*

*А. О. КОРШИКОВА*

## КРИЗИС ЗАПАДНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Посвящена работам ученых второй половины XX в. (в частности, Анвара Абдель-Малика, Абдулы Латифа Тибави и Эдварда Вади Саида), которые первыми выступили за критическую переоценку ориентализма. Отмечается, что их труды стали причиной раскола и последующего кризиса в исследованиях стран Азии и Африки, а также привели к переосмыслению сущности востоковедения как научной дисциплины и к трансформации традиционного образа Востока. Это оказало положительное влияние на изучение восточного региона. Стали появляться новые методы, была пересмотрена как колониальная история стран Востока, так и более ранние ее этапы, а также сформировались новые направления в историографии, в том числе постколониальная теория и теория колониального дискурса. Делается вывод о том, что, несмотря на изменения в исследованиях истории и культуры Востока, работы названных авторов не теряют своей актуальности для современной науки.

***Ключевые слова:*** востоковедение; ориентализм; Восток; кризис; история стран Азии и Африки; методы исследования; XX в.

The article is dedicated to the works of scientists of the second half of the twentieth century (in particular Anwar Abdel-Malek, Abdul Latif Tibawi and Edward Wadi Said), who first advocated for a critical reevaluation of Orientalism. Their works caused a dissent and the subsequent crisis in the research of Asia and Africa, but also led to a rethinking of the essence of Oriental Studies as a discipline and to the transformation of the traditional image of the East. This has had a positive influence on the study of the eastern region. New methods began to appear, a colonial history of the East and its earlier stages were revised, new trends were formed in historiography such as postcolonial theory and the theory of colonial discourse. The article concludes that in spite of the changes in the study of the history and culture of the East, the work of mentioned authors does not lose their urgency for modern science.

***Key words:*** Oriental Studies; Orientalism; East; crisis; history of Asia and Africa; research methods; XX century.

В 1960-х гг. в западном востоковедении начали происходить постепенные изменения, которые привели к трансформации методологических и практических принципов исследования. Они были обусловлены тем, что термин «ориентализм», под которым подразумевалась гуманитарная дисциплина, изучающая страны Азии и Африки, стал подвергаться всесторонней критике, а также тем, что с середины XX в. в востоковедении появляется все больше ученых – выходцев с Востока. Все это способствовало расколу среди исследователей: часть из них, во главе с Б. Льюисом, поддержали традиционный подход к изучению, другие – сторонники идей Э. Саида – выступили за пересмотр основных принципов и методов востоковедения. Это привело к изменению парадигмы исследования: в центре внимания оказались

вопросы культурных и социальных преобразований, был подвергнут критике широкий спектр работ по истории Востока как политически ангажированных, а зачастую даже расистских, что обусловило кризис в востоковедении.

Одними из первых, кто переосмыслил теоретические и практические аспекты востоковедения и выступил с критикой западной ориенталистики в своих работах, были А. Абдель-Малик, социолог египетского происхождения, работающий в Париже, опубликовавший статью «Ориентализм в кризисе» (1962), и исследователь арабской истории из Лондонского университета А. Л. Тибави, который выступил со статьей «Англоговорящие ориенталисты. Критика их подхода к исламу и арабскому национализму» (1964). Третья и наиболее значимая работа по данной тематике – это книга «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978) профессора английского и сравнительного литературоведения Э. В. Саида, работавшего в Колумбийском университете. Именно эти работы и положили начало новому витку в развитии востоковедческих исследований.

Прежде чем рассмотреть особенности взглядов названных исследователей, необходимо определить, что именно подразумевалось под термином «ориентализм». Согласно Оксфордскому словарю (1971) термин «ориентализм» в XVIII–XIX вв., как правило, использовался для обозначения: 1) профессиональной деятельности востоковедов, ученых, которые разбирались в языках и литературе Востока; 2) стиля в искусстве, имеющего явные восточные черты или мотивы[1]. Помимо этого, Дж. Маккензи в своей книге «Ориентализм: история, теория и искусство» определил, что в XVIII в. и первой четверти XIX в. данный термин стал активно применяться в Британской Индии и приобрел новое значение. Понятие «ориентализм» стало использоваться для обозначения или идентификации «консервативного и романтического» подхода по управлению колонией[2]. Согласно этому подходу мусульманские и индуистские языковые и законодательные традиции Индии не следует игнорировать или вытеснять, а, наоборот, применять и сохранять как основу для поддержания социальной стабильности и порядка.

Следует отметить, что определение ориентализма, которое давалось в Оксфордском словаре, оставалось более или менее неизменным до периода деколонизации. Тем не менее пересмотр основных подходов и принципов западной ориенталистики, начатый в 1960-е гг., привел к тому, что данный термин приобрел иные значения. Ориентализм стал рассматриваться как:

- корпоративное учреждение, созданное для контактов с Востоком;
- способ видения ислама;
- инструмент западного империализма;
- стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии между Востоком и Западом;
- идеология, служившая оправданием для покорения этнических меньшинств и социально уязвимых слоев населения.

Придание устоявшемуся термину новых значений привело к серьезным изменениям. Понятия абсолютной истины, этноцентризм, чувство расовой гордости, безоговорочное служение государству, другими словами, все то, что раньше являлось неотъемлемой составляющей востоковедения и характеризовало ученого как профессионала, теперь вызывало негативные отклики и обвинения в империализме, предвзятости и редукционизме. С другой стороны, такие элементы мировоззрения, как антиколониализм, расовое равенство, неопределенность в отношении природы истины и интернационализм, стали восприниматься как прогрессивные.

Причин для таких перемен было несколько, важно отметить, что часть из них появилась значительно раньше названных работ. Вектор исторического развития способствовал постепенным изменениям в области востоковедения. Развитию национальных движений в странах Азии и Африки, а также обретению ими независимости способствовали: иранская революция, младотурецкая революция, падение Османской империи после Первой мировой войны, кемалистское движение, рост национального движения в Египте. Обретение независимости бывшими колониями в 1950–60-х гг. существенно повлияло на общественное мнение и формирование самосознания восточных народов, что позволило им бросить вызов европоцентризму в интеллектуальной и научной сферах. В результате сформировались национальные исторические школы, что помогло переосмыслить не только колониальную историю Востока, но и более ранние ее этапы, а ученые из стран Азии и Африки стали активными участниками научного пространства.

Помимо этого, произошли изменения и в западной науке. Большое количество теоретического и фактологического материала, накопленное к этому моменту, позволило пересмотреть как колониальные, так и постколониальные этапы развития стран Востока. Благодаря этому другую оценку получил процесс взаимодействия стран Востока и Запада, а европоцентризм постепенно уступил место цивилизационному полицентризму[3].

Несмотря на то что указанные исследователи критиковали ориентализм как научную дисциплину, тем не менее каждый из них понимал его по-разному. А. Абдель-Малик считал, что «реальный стимул для развития востоковедения… начинается с периода колониального завоевания европейскими империалистами», поэтому для него ориентализм являлся «инструментом империализма, разработанным

для колонизации стран Третьего мира»[4]. По мнению А. Л. Тибави, это был способ понимания и интерпретации ислама и арабской культуры[5]. Э. Саид определил ориентализм как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»[6] и как «гегемоническую систему»[7]. Следует отметить, что эти исследователи сходились в восприятии ориентализма как содержащего большое количество недостатков и ошибок политически ангажированного научного направления, однако теоретическая основа у них была различной. А. Абдель-Малик базировал свой критический анализ ориентализма на работах К. Маркса, А. Л. Тибави опирался на традиционные принципы научной независимости и справедливости. Что же касается Э. Саида, то он в своем подходе, в отличие от остальных, использовал работы различных европейских философов и интеллектуалов, среди которых были А. Грамши, М. Фуко.

Ряд ученых, негативно воспринявших идеи А. Абдель-Малика, А. Л. Тибави и Э. Саида, небезосновательно отмечали, что все эти критические анализы были основаны на работах и идеях европейской философии, что, в свою очередь, свидетельствовало о несостоятельности критики западного востоковедения[8]. Однако такое положение вещей может быть оправдано и объяснено тем, что, например, А. Абдель-Малик испытывал ненависть к колониализму и империализму, поэтому именно марксистские идеи, которые критиковали западные устои, были для него подходящей альтернативой. А. Л. Тибави возмущала неприязнь англоязычных историков к исламу и арабской культуре. Для Э. Саида чувство личной потери, а именно Родины и дома, и, как следствие, разрушение национальной идентичности и профессиональной деятельности в области литературоведения повлияли на использование им идей Грамши и постмодернистов.

Немаловажно отметить, что эти критики ориентализма не просто высказали неудовлетворенность современной наукой, но также надеялись достигнуть качественных изменений в данной области. По мнению А. Абдель-Малика, было необходимо «произвести ревизию, критическую переоценку общей концепции и методов, существующих для понимания Востока, которые использовались на Западе»[9]. А. Л. Тибави настаивал на том, что востоковеды должны демонстрировать «лучшее понимание проблемы исследования»[10]. Что касается Э. Саида, то он считал, что задача ученых состоит не в простом преодолении наследия ориентализма, а в том, чтобы использовать его как постоянное напоминание «нам об искушении деградации знания, любого знания, повсюду и в любое время»[11]. Именно эти идеи и задачи легли в основу целей, которые ставили перед собой другие представители неевропейского мира.

Однако критика, начатая этими учеными, не была бесспорной. Более того, она даже не всегда была успешной, по крайней мере, до публикации Э. Саидом книги «Ориентализм», поскольку именно эта работа положила начало новому витку в историографии. Однозначно выявить причины, по которым именно его идеи привлекли к себе внимание столь широкого круга исследователей не только из исторической области, но и других социогуманитарных дисциплин, достаточно сложно, тем не менее можно говорить о ряде особенностей, выделяющих работу Э. Саида. Во-первых, в отличие от своих предшественников, он использовал междисциплинарный подход для написания книги. Автор вышел за пределы традиционных исторических методов и исторического дискурса, использовав философские и лингвистические концепции для критики западной ориенталистики. Во-вторых, он был первым, кто отважился критиковать не только колониализм и империализм, но также и самих востоковедов за то, что они стали проводниками захватнических и редукционистских позиций Запада. К категории ориенталистов он отнес таких писателей, как Ф. Р. де Шатобриан и Ж. де Нерваль, чьи работы могли иметь отношение к образованию западных культурных традиций, но на первый взгляд не имели ничего общего с академической традицией востоковедения. Однако, с точки зрения Э. Саида, такие писатели тоже формировали прямолинейный образ Востока и его жителей. Что же касается востоковедов, то они, будучи наследниками «самовлюбленной» традиции европейских исследований, положенных еще Гомером и Эсхилом, посредством своих текстов «создавали, конструировали» Восток[12]. В трудах западных историков Европа воспринимается как нечто рациональное, гуманное, высшее, подлинное, активное, творческое и мужское, в то время как Восток, «другой», выступает в роли иррациональной, деспотичной, пассивной и женственной сущности. Именно востоковеды «создали», с точки зрения Э. Саида, такие понятия, как «арабский разум», «восточная душа» и «исламское общество»[13]. Вместе они внесли вклад в создание «прочной гегемонистической системы», разработанной, чтобы сознательно или бессознательно доминировать, реструктурировать и обладать властью над Востоком[14]. По мнению Э. Саида, все это существовало, чтобы способствовать европейскому империализму и колониализму. Помимо этого, в отличие от своих предшественников, Э. Саид сформулировал собственную оригинальную теорию – концепцию ориентализма, под которой он подразумевал «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии между “Востоком” и (почти всегда) “Западом”»[15].

В своей книге Э. Саид цитирует десятки примеров ориентализма, который проявляется в работах европейских ученых, поэтов, философов, имперских администраторов, историков, политиков, путешественников. Для него западное востоковедение не является нестабильным, воображаемым явлением, «нагромождением лжи, или мифов»[16], которое можно легко преодолеть в том случае, если все

время говорить и писать правду. Напротив, Э. Саид считает, что востоковедение – это часть интегрированного дискурса, общепринятая сеть для формирования представлений о Востоке в западном сознании. Таким образом, ориентализм для него являлся «неотъемлемой частью европейской материальной цивилизации и культуры»[17], инструментом британского, французского и позже американского империализма.

На критику ориентализма, сформулированную А. Абдель-Маликом, А. Л. Тибави и Э. Саидом, последовало множество откликов. Статья А. Абдель-Малика «Ориентализм в кризисе» вызвала реакцию К. Каена, исламоведа в Сорбонне, и Ф. Габриэлли, профессора арабского языка и литературы в Римском университете. Идеи А. Л. Тибави спровоцировали негативное восприятие Д. Литтла, востоковеда, который работал в Институте исламских исследований в Канаде. Что же касается взглядов Э. Саида, то они вызвали бурную реакцию широкого числа ученых – представителей различных научных направлений. Список критиков, которые находили его тезисы убедительными, включает С. Шара («Ориентализм на службе империализма»), Р. Индена («Востоковеды создают Индию»), Э. Уильсона («Ориентализм: темная перспектива») и др. Среди ярых и непримиримых критиков можно отметить Б. Льюиса («К вопросу об ориентализме»), Д. Копфа («Герменевтика против истории»), Дж. Маккензи («Эдвард Саид и историки») и К. Виндшаттла («Убийство истории»). Среди тех, кто в целом симпатизировал идеям Э. Саида, но оставался критически настроенным по отношению к ряду аспектов, были Садик Джалал Аль-Азм («Ориентализм и ориентализм наоборот»), Айджаз Ахмед («Между ориентализмом и историзмом»), Дж. Клиффорд («Об ориентализме») и Ф. Холлидей («Ориентализм и его критики»).

Самое важное отличие взглядов Э. Саида от позиции его критиков заключается в том, что он рассматривал западное востоковедение через призму философии постмодерна, в то время как ученые-востоковеды по большей части были прочно связаны с традиционным подходом к написанию истории. В связи с этим Б. Льюис в статье «К вопросу об ориентализме» (1982) обвиняет Э. Саида в «произвольном изменении исторического фона», «непостоянстве в выборе стран, историков и их работ» и «бесспорном невежестве» относительно исторических фактов[18]. Понятию ориентализма Саида, по мнению Д. Копфа, недостает исторической точности, полноты и тонкости[19]. Дж. Маккензи в статье «Эдвард Саид и историки» указывает, что в XVIII и начале XIX в. для британской культуры и сознания главным «другим» была Франция, а затем, в следующие полтора века, это Франция, Россия и Германия. Восприятие Э. Саидом ориентализма, с его точки зрения, не учитывает неустойчивости, неоднородности и «явной пористости имперской культуры». Работа Э. Саида для него «в высшей степени антиисторическая»[20].

Критики «Ориентализма» Э. Саида обращали много внимания на то, что он опирался на случайные факты, которые не являлись распространенными, закономерными явлениями. Более того, по их мнению, он допускал очень много фактологических ошибок. Однако Э. Саид не пытался написать «историю востоковедения»[21]. Кроме того, как он дал понять в статье «Пересмотренный ориентализм» и в послесловии к книге «Ориентализм», его целью не было написать антизападный трактат, выступить в защиту ислама и арабов, пересмотреть историю отношений Востока и Запада, или историю британского и французского колониализма. Он ставил своей задачей просто определить природу «ориенталистского дискурса» как «созданного совокупностью теорий и практик»[22], разработанных сознательно или подсознательно, чтобы отвечать интересам европейских имперских полномочий.

Важно отметить, что, используя понятие дискурса, Э. Саид не всегда безоговорочно следовал подходам, которые были сформулированы Фуко. Согласно А. Ахмаду, одному из наиболее проницательных критиков Э. Саида, М. Фуко, скорее всего, не согласился бы с Э. Саидом в том, что дискурс мог бы охватить как докапиталистический, так и капиталистический периоды в истории. Кроме того, точка зрения Э. Саида о том, что «идеология евроцентризма»[23] была присуща уже Древней Греции, радикально противоречила взглядам французского мыслителя.

Дебаты об ориентализме в академических журналах не были ограничены просто интеллектуальными проблемами. В представлении Б. Льюиса критический анализ ориентализма, проведенный Э. Саидом, нельзя рассматривать как вклад в понимание проблемы и уж тем более в науку, скорее, это нападение на еврейские исследования и Запад, особенно США. «Это был полемист, вдохновленный враждебными побуждениями»[24]. С другой стороны, Саид рассматривал Б. Льюиса как классического представителя гильдии ориенталистов. Его защите востоковедения и востоковедов была присуща «видимая вежливость», а в действительности Б. Льюис имел просионистские, антиисламские и антиарабские настроения[25].

Книга «Ориентализм» Э. Саида многие годы после ее опубликования не оставляла научный мир равнодушным. В середине 1980-х гг. на конференции, которая состоялась в Эссекском университете, Э. Саид ответил на критику. Он защищал тезис о том, что востоковеды, глубоко вовлеченные в «империалистический проект», помогали в создании отрицательного образа Востока. В послесловии к изданию «Ориентализм», а также в статье «Восток не есть Восток. Конец эпохи ориентализма» он снова отстаивал свою позицию, которая в этот период в очередной раз подверглась критике со стороны арабских националистов, исламских фундаменталистов и востоковедов, таких как Б. Льюис и А. Ахмад.

В современной историографии по-прежнему существуют как сторонники критиков ориентализма, так и те, кто поддерживает традиционные методы исследования, однако можно говорить, что кризис востоковедения, начавшийся в 1960-е гг., в целом преодолен. Тем не менее продолжается поиск способов, которые помогут «избежать» ориентализма – схематичного, редукционистского видения и изучения Востока. Среди них можно выделить использование улучшенной методологии, в частности той, которая бы помогала рассматривать страны Запада как нечто периферическое, имеющее свои противоречия и недостатки. Благодаря идеям А. Абдель-Малика, А. Л. Тибави и Э. Саида произошло переосмысление не только востоковедения, но и всех других сфер науки, которые бы имели дело с изучением истории стран Азии и Африки. Мир больше не воспринимается как сосредоточение западных идей и ценностей; Восток перестал быть пассивным, неизменным явлением; началась переоценка колониального наследия как для бывших метрополий, так и для их колоний. Публикация Э. Саида «Ориентализм» положила начало новым направлениям в историографии, в частности постколониальной теории и теории колониального дискурса.

Несмотря на положительные сдвиги в данной сфере и на то, что новые подходы уже выработаны, тем не менее говорить о применимости этих методов или же о том, что они действительно могут изменить парадигму исследования, еще рано. Именно по этим причинам работы критиков западной ориенталистики по-прежнему актуальны.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: *Hübinette T.* Orientalism past and present: An introduction to a postcolonial critique // The Stockholm J. of East Asian Studies. 2003. № 13. P. 73.

[2] *Macfie A. L.* Orientalism: A Reader. New York, 2000. P. 1.

[3] См.: *Никитин М. Д.* Ориентализм Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы // Новая и новейшая история. 2003. Вып. 21. С. 35.

[4] *Abdel-Malek A.* Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. № 44. P. 14–105.

[5] См.: *Tibawi A. L.* English-Speaking Orientalists: A Critique of Their Approach to Islam and Arab Nationalism. Pt. 1 // Islamic Quarterly. 1964. Vol. 8, № 1. P. 66.

[6] *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 9.

[7] Там же. С. 27.

[8] См.: *Macfie A. L.* Op. cit. P. 27.

[9] *Abdel-Malek A.* Op. cit. P. 103.

[10] *Tibawi A. L.* Op. cit. P. 3.

[11] *Саид Э. В.* Указ. соч. С. 509.

[12] Там же. С. 60.

[13] Там же. С. 465.

[14] Там же. С. 37.

[15] Там же. С. 9.

[16] Там же. С. 14.

[17] Там же. С. 8.

[18] См.: *Lewis B.* The Question of Orientalism [Review] // New York Review of Books. 1982. Vol. 13, № 29. P. 46–58. Rev. of the book: Said E. W. Orientalism. New York, 1978. P. 11–12.

[19] См.: *Macfie A. L.* Orientalism. London, 2002. P. 11.

[20] *Williams P.* Edward Said : in 4 vol. London, 2001. Vol. 3. P. 130–134.

[21] См.: *Саид Э. В.* Указ. соч. С. 312.

[22] Там же. С. 15.

[23] См.: *Macfie A. L.* Orientalism: A Reader. New York, 2000. P. 291.

[24] *Lewis B.* The Question of Orientalism [Review]…

[25] См.: *Macfie A. L.* Orientalism. London, 2002. P. 13.

Поступила в редакцию 19.09.2014.

***Анастасия Олеговна Коршикова*** – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ В. С. Кошелев.

*УДК 94(438).07*

*Е. Г. ЛУФЕРЧИК*

# ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Анализируются различные историографические подходы к раскрытию сути польского вопроса и определению событий, приведших к его постановке. Делается вывод о том, что понятие «польский вопрос» было сформулировано в дипломатических отношениях накануне первого раздела Речи Посполитой. Его содержание было связано с определением странами-соседями возможных мероприятий для решения политической судьбы Речи Посполитой, ее независимости и территориальной целостности. Кроме того, польский вопрос параллельно возник внутри польско-литовского государства. Он был обусловлен стремлением поляков к сохранению, а позже – восстановлению своей государственности и независимости. В результате польский вопрос возник в 1762–1772 гг., а был решен только после Второй мировой войны.

***Ключевые слова:*** польский вопрос; хронология; разделы Речи Посполитой.